

Central Asia Monitor

АДАЙСКИЕ ПЛЕННИКИ

В нынешнем году исполняется 190 лет со дня упразднения царской Россией традиционного института государственности казахского народа – ханской власти. В 1822-м она была ликвидирована в Среднем жузе, где этой вековой привилегии лишились потомки знаменитого хана Абылая, а спустя два года – в Младшем жузе, где ее потеряли потомки не менее знаменитого хана Абулхаира.

Непокорные

Уничтожив ханское звание как “совершенно излишнее”, российское правительство надеялось укрепить среди кочевников политическое влияние и правовые нормы империи, усилить колонизацию обширного края путем строительства новых военных укреплений и линий, подчинения отдаленных территорий, племена которых все еще были вне пределов юрисдикции Санкт-Петербурга.

Одним из таких регионов был полуостров Мангышлак, который занимал один из самых известных родов казахского народа – адай. Некоторые ученые считают, что название племени происходит от кочевого сако-скифского народа, который историк Геродот и географ Страбон называли даи или дахи. Самоназвание племени или союза племен даев/дахов упомянуто в трех древнейших сочинениях: священной книге Авесте, Персепольской надписи царя Ксеркса и в трудах греческого историка Арриана. Ираноязычные даи кочевали по бескрайним просторам Арало-Каспийского региона еще с первой половины 1-го тысячелетия до н.э.

Кроме Мангышлака, казахи-адаевцы расселялись также на полуострове Бузачи, значительной части плато Устюрт, обширном пространстве до рек Эмба (Жем) и Уил (Ойыл). Всю эту обширную территорию адаевцы заселили, вытеснив отсюда туркмен и калмыков. Царские чиновники считали адаевцев одним из “самых диких, грубых и воинственных киргизцев”. Численность многочисленного и храброго племени в середине XIX в. достигала от 20 тыс. до 40 тыс. кибиток. Адаевцы номинально были подданными вначале Хивинского ханства, а затем и России, но не признавали их верховную власть, упорно придерживались священной религии предков, своих незыблемых обычаев и традиций, превыше всего ценили собственную независимость от кого бы то ни было. Занимались кочевым и полукочевым скотоводством, земледелием, домашними промыслами, прибрежным рыболовством, соледобычей, меновой торговлей с соседями. Они вырастили уникальную породу степных лошадей (адайские скакуны), которой более тысячи лет. Лошади этой породы неприхотливы и выносливы, приспособлены к климатическим условиям полуострова Мангышлак, легко переносят зной и жару, могут даже пить соленую морскую воду.

Путешественник Г.С. Карелин писал, что “киргизы адаевского рода живут совершенно в независимости, ни в чем не давая отчета”. Находясь в буферной зоне между Хивой и Россией, на равном удалении от них, адаевцы не подчинялись их законам, не платили налогов, у них никогда не было ханов-чингизидов, они отвергали власть султанов – правителей Младшего жуза – и хивинских сборщиков налогов, а управлялись своими родовыми батырами и биями.

Адаевцы принимали самое активное участие во всех антиколониальных восстаниях под предводительством народных вождей Сырыма Датова, Жоламана Тленшина, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, Есета Котебарова, Асау Барака, Кулбарака, Исы Тленбаева, Азбергена Мунайтпасова, султанов Каипгали Есимова, Хангали Арстанова и других. Самым знаменитым предводителем адаевского рода был батыр Суюнкара Ургенышбайулы, весть о подвигах которого дошла и до Санкт-Петербурга.

Казахи-адаевцы свято оберегали древние кочевые нормы обычного права, хранили лучшие качества своих далеких предков даев/дахов и массагетов, отличались вольнолюбивым духом, бесстрашием и беспримерным мужеством в многочисленных схватках с хивинцами, туркменами, иранцами, калмыками, казаками, царскими карательными отрядами и другими врагами. Когда они находились в зените своей воинской славы, великий композитор Курмангазы специально этому казахскому племени посвятил музыкальное произведение – знаменитый кюй “Адай”.

Благодаря стойкости и мужеству адаевцев обширная территория Мангыстау с несметными богатствами нефти и газа сегодня принадлежит Казахстану. Их можно сравнить с “горными чеченцами”, которые дольше всех сохраняли независимость и отстаивали ее с оружием в руках. В их прошлой истории было немало героических страниц, и некоторые события тех далеких лет хотелось бы донести до нынешнего читателя.

Пленение российского экипажа

Любопытный документ хранится в Центральном государственном архиве РК – “Дело о пленении казаками группы моряков 45-го флотского экипажа Каспийской флотилии”. Содержание материалов этого дела следующее.

В 30-е годы XIX в. Россия закрепила на побережье Каспийского моря, где началось возведение Ново-Петровского и Ново-Александровского укреплений, в которых размещались линейные пехотные батальоны отдельного Оренбургского корпуса, конные сотни уральских и оренбургских казаков, крепостная артиллерия. В эти укрепления для пополнения запасов воды и продовольствия регулярно заходили суда Каспийской военной флотилии, главная база которой дислоцировалась в Астрахани.

15 марта 1836 года лейтенант российского флота Гусев во главе четырехпушечного бота направился для охраны русских рыбопромышленников к Колпинскому углу на восточном побережье моря. 3 июня он выслал шлюпку с четырьмя матросами при одном фальконете для осмотра острова Долгов, где те неожиданно встретили две лодки с казаками-рыбаками. Произошла взаимная перестрелка из ружей, фальконет разорвало после 15 выстрелов, и моряки были вынуждены возвратиться к своему судну.

5 июня сам Гусев на большой лодке с десятью вооруженными матросами при одной пушке отправился на поиски казахов. Адаевцы, прекрасно знавшие побережье моря, его мелководные заливы и глубоководные бухты, сумели заманить российских моряков в ловушку. Встретив у берега казахов, Гусев с азартом устремился в погоню за ними. Те на трех лодках-плоскодонках стали уходить в глубь одного залива с узким входом. Решив, что они попали в западню, Гусев вошел вслед за ними в мелководный залив, потерял ход и не смог маневрировать. Адаевцы в это время перегородили выход из бухты, затопив там свои лодки. Все отчаянные попытки российских моряков прорваться обратно в море не увенчались успехом: со скалистых берегов бухты около 200 человек с победными криками открыли сильный ружейный огонь. Гусев принял смелое решение затопить лодку с пушкой, высадиться на берег и пробиваться к заливу Тюп-Карагану, где находилось русское укрепление. 7 июня моряки вышли на берег и двинулись в путь, однако были окружены многочисленной толпой и, поняв безвыходность своего положения, прекратили сопротивление. В плен были захвачены сам лейтенант Гусев, один канонир, квартирмейстер и 12 матросов. В стычке погиб один матрос, бот был уведен нападавшими и разграблен. Наверное, это единственный случай в мировой военной истории, когда степные номады сумели захватить морской корабль противника и пленить его экипаж.

В казахском ауле моряки пробыли почти 20 дней. Они пасли скот, рыли колодцы, заготовливали корм, выполняли различные работы. По признаниям самих матросов, казахи обходились с ними вполне дружелюбно, сносно кормили, не били и не издевались, посмеивались над их легкомыслием и, соответственно, гордились собственной смекалкой и хитростью. Адаевцы, видимо, исходили из неписаного закона войны: чем отважнее враг, тем больше уважения он вызывает и тем большего снисхождения заслуживает, оказавшись в роли побежденного.

В переговоры с адаевцами вступил начальник Ново-Александровского укрепления войсковой старшина Логинов. Казахи потребовали за каждого русского матроса выкуп от 8 до 10 баранов – всего 240 голов, или денежную сумму в 2400 рублей. За освобождение офицера Гусева дополнительно потребовали еще 825 рублей. Итого

3225 рублей. Три недели между сторонами длились ожесточенные переговоры об условиях освобождения российских моряков.

Пограничные власти наотрез отказывались платить выкуп, требуя немедленно освободить их, в противном случае грозили различными карами. Казахи же были в недоумении: неужели белый царь так беден, что не может уплатить каких-то жалких баранов за свободу своих людей? Они даже снижали размер выкупа, но российская сторона была непреклонна: освободить моряков безо всяких условий!

В конце концов казахам, видимо, надоело упорство российской стороны. Они решили отпустить их на свободу всего за 45 баранов, то есть оценили каждого моряка в три овцы. К тому же пленников все это время нужно было кормить и поить, содержать под надежной стражей, чтобы они не вздумали убежать в степь, где могли стать легкой добычей хищников. 26 июня из Ново-Петровского укрепления прибыла российская делегация, которая забрала с собой незадачливых моряков во главе с командиром.

Можно представить себе трогательную сцену расставания казаховадаевцев и русских моряков: ликование матросов, смешанное с чувством стыда и позора пленения кочевниками, и недовольство адаевцев, вынужденных отпустить с миром пленных, в то время как их можно было с выгодой продать в рабство в Хиву. Причем казахи устроили даже той в честь проводов домой русских моряков, с которыми успели сдружиться за это время. Сами же русские моряки не испытывали никакой ненависти к своим “мучителям”, как представили это событие в России после их возвращения.

Как бы то ни было, история с пленением российских военных моряков закончилась миром, без кровопролития и взаимной вражды. Российской стороне был преподан хороший урок, который научил ее уважать силу кочевников и считаться с их законными интересами. Сюжет этот мог бы лечь в основу какого-нибудь оригинального приключенческого блокбастера под названием “Адаевский пленник”, не уступающего таким занимательным картинам прошлого, как “Сорок первый”, “Белое солнце пустыни”, “Кавказский пленник”...

Принуждение к капитуляции

Другое событие произошло через 30 лет и было связано с проведением царских реформ 1868-1870 гг., направленных на новое территориальное управление краем, которое не учитывало привычных родовых отношений казахов, усиливало налоговый гнет и в целом колониальную политику империи. На территории Мангыстау новые преобразования вводились позже, чем в других областях, лишь в 1870-м, так как царизм опасался возмущения буйных адаевцев, и не без оснований. “Адаевцы плохо были подготовлены к принятию нового положения, и оно здесь

было едва ли своевременно”, – писал один из чиновников местной администрации.

Регион включался в состав Уральской области, а в укреплении Ново-Александровском учреждалось специальное Мангышлакское приставство для “заведывания населением, кочующим в соседстве сего управления”. Для пристава областным военным губернатором была разработана особая инструкция, определявшая его права и обязанности по управлению местными казахами. Мангышлакским приставом и командиром военного отряда был назначен подполковник Рукин. Статья 245 “Временного положения” гласила, что “киргизы освобождаются от рекрутской повинности”, однако с них взимался кибиточный сбор по 3 руб. в год с каждой кибитки, причем исчисление кибиток определялось на три года. В итоге размер кибиточного сбора с адаевцев составлял за два последних года от 160 тыс. до 250 тыс. рублей, что вызвало негодование народных масс подобной фискальной политикой царских властей. Это было одним из ярких примеров несправедливости и ошибок правительства по отношению к мирным кочевникам.

Однако Рукин, не считаясь с затруднительным положением населения, потребовал, согласно новому налоговому тарифу, немедленно внести кибиточную подать за 1869-1870 гг. Местные казахи, приведенные в ярость таким беспардонным требованием, категорически отказались выполнять его. На помощь Рукину для умирения адаевского бунта была направлена сотня уральских казаков, вместе с которыми пристав в марте 1870-го выступил в степь против восставших.

Вооруженные старинными пиками, топорами и фитильными ружьями, многочисленные скопища повстанцев в урочище Сартас вблизи гор Актау под руководством Исы Тленбаева окружили карательный отряд Рукина из 38 казаков и четырех офицеров, предложили им сложить оружие, но получили отказ. После трех дней ожесточенных схваток с превосходящими силами адаевцев русский отряд был вынужден капитулировать, а сам начальник отряда подполковник Рукин, чтобы не попасть в плен, как честный русский офицер, застрелился.

Воодушевленные успехом, повстанцы атаковали затем форт Ново-Александровский, но не смогли захватить укрепление, гарнизон которого имел на вооружении свыше 20 орудий различного калибра и был дополнительно усилен двумя ротами пехоты и сотней уральских казаков.

Вместо послесловия

В заключение хотелось бы отметить следующее. Исторически обширнейшее Казахское государство складывалось из разных, расположенных далеко друг от друга и потому слабо связанных между

собой регионов, имевших свои особенные природно-климатические, физико-географические, хозяйственно-экономические, демографические и родоплеменные отличия. Не стала исключением в этом отношении и территория Западного Казахстана, его составной части – Мангыстау, где до сих пор в основном проживают потомки тех героических адайцев.

Казахи Младшего жуза первыми начали принимать подданство России, первыми почувствовали на себе гнет царской колониальной политики, первыми взялись за оружие и первыми подняли знамя национально-освободительной борьбы. Еще царские чиновники XIX в. отмечали, например, что они отличались “диким, буйным и резко выраженным характером”, о чем свидетельствуют многочисленные народные восстания и движения в эпоху царской колонизации. И в непродолжительную советскую эпоху население полуострова не раз выступало против грубых перегибов административно-командной системы. Всем памятен так называемый “адаевский бунт” 1929-1930-х годов, когда округ был охвачен массовыми выступлениями и откочевками населения в знак протеста против насильственной конфискации, коллективизации и налогообложения. Именно тогда родилась поговорка о том, что “спасение Адая – дело рук самих адаевцев”.

Летом 1989-го в Новом Узене (нынешний Жанаозен) произошли столкновения на межнациональной почве между местными нефтяниками-казахами и рабочими-вахтовиками из республик Северного Кавказа. Они проходили под антидискриминационными лозунгами и сопровождались погромами торговых лавок и питейных заведений выходцев из кавказского региона.

Исторически воинственность адаевцев проистекала также из того, что они веками проживали рядом с не менее воинственными племенами туркмен-иомудов, постоянно совершавших нападения на их аулы для захвата людей и скота. Поэтому местные казахи жили в условиях постоянной готовности к отражению набегов враждебных соседей, к защите родной земли, обильно политой их собственной кровью. Надо также отметить, что периоды вражды между адаевцами и иомудами сменялись мирными временами, когда два племени заключали союзы и браки. Одно поколение адаевцев до сих пор себя называет “туркмен адаймыз”. Известно также, что среди предков поэта Махамбета Утемисова были выходцы из иранских туркмен.

Все это не могло не наложить отпечаток на менталитет адаевцев. Суровые климатические условия, постоянная борьба за выживание с хищными соседями сформировали сильный, независимый характер и сплоченность местного населения перед внешними вызовами и угрозами.

Поэтому нынешним местным руководителям, особенно прибывшим из других областей, надо хорошо знать не только экономику, географию и природные ресурсы края, но и историю этого региона, социальную и демографическую структуру населения, менталитет жителей, особенно молодежи. Уметь завоевывать доверие людей, находить с ними общий язык, согласие, компромисс, быть ближе к населению, жить их интересами и нуждами, а не выглядеть некими временщиками, думающими только о своей дальнейшей карьере в высоких коридорах Астаны. Нужно также при подборе кадров соблюдать баланс местных и направленных из центра и других регионов руководителей, обеспечивать равные условия для доступа к госслужбе.

Сейчас главным критерием выдвижения руководителей различного уровня является наличие необходимого опыта госслужбы, членство в правящей партии “Нур Отан”. Между тем необходимо придавать важное значение также гуманитарной подготовке руководящих кадров, знанию ими местных условий, быта, психологии, культуры, духовной жизни, фольклора, других особенностей, помогающих укреплять доверие между центром и регионами.

Мурат АБДИРОВ, доктор исторических наук, профессор